



Julia A. Krivoshchapova

Advanced Educational Scientific Center, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Russian River Names: The Potential of Semantic Development (With Reference to Dialectal Vocabulary)

Voprosy onomastiki, 2017, Volume 14, Issue 2, pp. 71–89

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.011

Language of the article: Russian

Кривошапова Юлия Александровна

Специализированный учебно-научный центр, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Русские речные гидронимы: потенциал ассоциативно-деривационной семантики (на материале лексики народных говоров)

Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 71–89

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.011

Язык статьи: русский

РУССКИЕ РЕЧНЫЕ ГИДРОНИМЫ: ПОТЕНЦИАЛ АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ (на материале лексики народных говоров)*

В статье рассматриваются функционирующие в русских народных говорах семантические и семантико-словообразовательные дериваты названий рек (потамонимов). Подобные обозначения известны в разных регионах России, преимущественно на территории Русского Севера. Автор выделяет девять реципиентных тематических сфер, демонстрирующих активность «речной» модели: «жидкие субстанции»; «природные субстанции, плывущие по реке»; «рыба»; «растения и животные»; «ветра»; «работа на отхожих промыслах»; «водный транспорт»; «танцы»; «предметы народного быта». Оказывается, что названия, являющиеся гидронимическими дериватами, могут организовываться в системы, что особенно наглядно проявляется среди обозначений рыбы (*сумская сельдь* и *сорокская сельдь*), ветров (ветры Байкала: *ангара*, *култук*, *сарма*, *фролиха*) и видов кадрили (*пежемская*, *верховажская*). Анализируя дериваты потамонимов, автор выявляет их структурные типы, отмечая, что среди этих единиц преобладают семантико-словообразовательные суффиксальные образования (*вексарь*, *вишерка*, *мокшан*, *тихвинка*, *устьяк*) и адъективные словосочетания (*андогский ветер*, *сухонский лен*, *шехонская соминка*). В статье характеризуются некоторые эксклюзивные семантические модели, свойственные только названиям рек (а не другим топонимам): к ним относятся «речные» обозначения работы на отхожих промыслах (*ангарицина*, *ваганить*) и отпотамонимические названия танцев (*верхнетоемка*, *пежемская игра*).

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

К л ю ч е в ы е с л о в а: русские народные говоры, топонимы, гидронимы, потамонимы, оттопонимические дериваты, апеллятивизация имени собственного, идеографический анализ, мотивационный анализ, семантическая модель.

Значительную часть топонимического фонда русского ономастикона составляют гидронимы, и в их числе — названия речных объектов (потамонимы). Потамонимы участвуют в процессах оттопонимической деривации, образуя деривационно-фразеологические гнезда (о термине см. [Березович, 2014, 14]). Интерес к этой группе языковых фактов объясняется нашим намерением охарактеризовать специфику вторичного функционирования потамонимов (если таковая имеется на фоне других оттопонимических производных), обозначить структурные типы семантических и семантико-словообразовательных дериватов потамонимов и представить базовые модели семантической деривации на основе названий рек.

К анализу привлекаются лексико-фразеологические единицы русского языка (в первую очередь, говоры), возникшие в ходе смыслового «расширения» гидронимов, т. е. семантические и семантико-словообразовательные отгидронимические дериваты (арх. *у́фтюга* ‘слабо заваренный чай’, перм. *ви́шерка* ‘плоскодонная лодка, используемая на р. Вишера’) и фразеологизмы, в состав которых входят как названия рек (арх. *разлиться-расплакаться речкой Ви́гою славною* ‘о сильно плачущей, обильно льющей слезы женщине’), так и их производные (в частности, катойконимы).

В качестве производящих основ берутся названия рек, протекающих на территории России. Список производящих гидронимов был сформирован исходя из уже собранных языковых фактов, имеющих (или только предполагающих) «речную» мотивацию.

В ходе формирования корпуса материала мы столкнулись с рядом проблем, требующих разрешения. Определенные сложности возникают при попытке возвести некоторые дериваты к гидрониму, имеющему генетически связанный с ним ойконим (чаще всего речь идет об отгидронимных ойконимах: река *Мезень* и город *Мезень*, река *Вятка* и *Вятский край*). В некоторых случаях помогает дефиниция, указывающая на тематическую группу лексики, которая по смыслу легко связывается с реками (например, названия лодок), но так происходит не всегда. Понятно, к примеру, что пшеница *куба́нка* (дон.) связана с регионом *Кубань*, а краснодар. *кубанец* ‘рыба сазан’ — с рекой *Кубань*. А вот разобраться, с чем соотносить танец арх. *верхнетóемка* (с названием реки *Верхняя Тойма*, на берегах которой танцуют этот танец, или соответствующего административного района Архангельской области), затруднительно.

Особую группу составляют производные от речных хоронимов (наименований регионов и территорий по бассейнам рек) типа *Поволжье*, *Пошехонье*, *Поважье*, которые уже не являются гидронимами. Мы посчитали возможным

включить в круг изучаемых фактов производные «второй ступени», связанные не столько с гидрообъектом, сколько с прибрежной территорией, исходя из того, что река часто становится географической границей, определяющей логику расселения отдельных социально-территориальных групп. На языковом уровне это проявляется в возникновении прозвищ жителей прилегающих к рекам территорий (влг. *вагáны* ← р. *Вага*), наименований социальных объединений (бурят., иркут. *ангáрицина* ‘собр. рабочие на крупных промыслах, предприятиях’), названий танцев (ленингр. *оятская* ‘кадриль, распространенная преимущественно на р. Оять’) и др., которые в дальнейшем нередко обрастают разного рода коннотациями и становятся источником этнокультурной информации.

В составе производных от гидронимов значительное место занимают катойконимы, возникшие на базе потамонимов (иркут. *ангáрьё* ‘о коренных жителях селений, расположенных на р. Ангара’ [СГБС, 1, 351–353], перм. *вишеря́та* ‘люди, родившиеся и/или живущие в деревнях, расположенных на берегу р. Вишера’ [СРГСПК, 1, 245]) или гидрохоронимов (костр. *ветлугáй* ‘насмешливое прозвище жителей Ветлужского края’ [СРНГ, 4, 195]) и довольно часто развивающие вторичную семантику (мурм. *вагáн* ‘приезжий, неместный’, мурм. *вагáнский* ‘малоизвестный в данной местности’ [СРГК, 1, 158] ← влг. *вагáн* ‘житель Поважья’ [СГРС, 2, 5], мурм. *вагáн* ‘выходец из Архангельской области’ [Меркурьев, 1979, 25]). Подобные факты мы будем привлекать «по касательной» (при необходимости пояснения мотивационных решений).

Выделим структурные типы отгидронимических дериватов. Самую малочисленную группу составляют производные, структурно совпадающие с гидронимом: мурм. *ва́рзуга* ‘семга, вылавливаемая в устье р. Варзуга’, самар. *ветлу́га* ‘большая связка деревянных чашек, привозимая на барках для продажи’ ← р. *Ветлуга*, арх. *леде́нга* ‘лед на р. Сухона во время ледохода’ ← р. *Леденга*, ряз. *ока́* ‘всякая вода’, влг. *ко́леньга* ‘мифическая хозяйка р. Коленьга’ и др.

Вторая группа — однословные апеллятивы, образованные от гидронимов по традиционным словообразовательным моделям: производные с суффиксами *-ан* (яросл. *моки́ан* ‘речное грузовое судно с высокой крышей (суда такого рода первоначально строили на р. Мокша)’); *-арь* (влг. *векса́рь* ‘в речи рыбаков оз. Кубенское: ветер со стороны р. Векса’); *-к* (арх. *печо́рка* ‘плоскодонная лодка на р. Печора’); *-як* (арх. *устья́к* ‘поросенок, купленный на р. Устья’).

Третья группа включает устойчивые адъективные сочетания типа влг. *áндогский ветер* ‘юго-западный ветер со стороны р. Андога’, том. *анисе́йская белка* ‘разновидность белки’, влг. *су́хонский лён* ‘лен, выращиваемый в Вологодской губернии’, волж. *шехо́нская сомíнка* ‘речное судно на р. Шексна’.

Четвертая группа состоит из фразеологизмов, включающих гидроним: арх. *вы́чегда пошла* ‘о повышении уровня воды в р. Северная Двина при вскрытии р. Вычегда’, арх. *Дви́ну ломать* ‘о северо-восточном ветре, который дует весной’, арх. *с Па́кшеньги* ‘южный ветер’.

Зафиксированы и сравнительные конструкции на основе гидронимов, ср. перм. *слез* (у кого) *сколько на Каме воды* 'о множестве слез от тяжелой жизни'.

Появление большинства дериватов потамонимов подчинено механизму метонимии: при участии гидронима обозначаются объекты, имеющие непосредственную связь с водоемом (рыба, обитающая в конкретной реке, речной транспорт, товар, производимый на территории бассейна реки, и пр.). В редких случаях включается механизм «чистой» метафоры, ср. арх. *уфтюга* 'слабо заваренный чай' (чай сравнивается с водой в р. Уфтюга). Образный компонент ощутим и в пск. *идти что Двина* 'о множестве движущихся людей или животных' [СПП, 94] <р. Западная Двина>: толпа здесь сравнивается с бурной рекой (образ подкрепляется фонетически созвучным гидрониму глаголом *двигаться*). Закономерно и сравнение слез с речной водой, ср. арх. *разлиться-расплакаться речкой Вигою славною* 'о сильно плачущей, обильно льющей слезы женщине'.

Процесс семантической деривации потамонимов охватывает определенное количество тематических сфер, по которым и будет расположен языковой материал. Внутренняя структура идеографической классификации подчинена логике «от периферии к центру», т. е. движению от окружающего мира к человеку. При подаче материала производящий топоним (если он не общеизвестен) указывается либо в дефиниции / иллюстративном контексте при оттопонимическом деривате либо в угловых скобках после дефиниции или паспортизирующей справки на источник.

Обозначения жидких (водных) субстанций

Названия рек могут использоваться для обозначения в о д ы вообще (ср. ряз. *ока* 'всякая вода' [СРНГ, 23, 105]); ж и д к о г о ч а я¹ (ср. арх. *уфтюга* 'слабо заваренный чай': «Уфтюгу каку-то пьем, желтенька водичка. “Уфтюга” в шутку говорим, речка у нас такая» [КСГРС]); с л е з (ср. перм. *слез* (у кого) *сколько на Каме воды* 'о множестве слез от тяжелой жизни' [БСРС, 105], арх. фольк. *разлиться-расплакаться речкой Вигою славною* 'о сильно плачущей, обильно льющей слезы женщине' [БСРП, 572], заурал. *не одна уж Исеть-река слез протекла* 'много слез пролито' [ФДЛ, 123], ленингр. *пинега* 'тот, который часто плачет; плакса' [СРГК, 4, 513]).

Шутливый печорский фразеологизм *чай — Китай, вода — Печора* поясняется так: «Сейчас-то в в Печоре много нефти, так пьем воду из колодца и из скважины, а раньше только из Печоры: чай — Китай, вода — Печора, чай-то везли из Китая, а вода только из реки, печорская»; «На чай колодезную воду никогда не брали, возили воду с Печоры, только на чай с Печоры возили, вот и говорили: *чай — Китай, вода — Печора*» [ФСГНП, 2, 382].

¹ О метафорических названиях некрепкого чая, отражающих уподобление напитка речной (озерной) воде (простореч. *байкал* 'слабо заваренный чай' и др.), см. [Березович, 2014, 362].

Мотив слез, очевидно, имеет фольклорное происхождение — в славянской традиции уподобление речной воды слезам широко распространено (в колядках восточных славян из слез св. Николы образуется река, в русских плачах слезы девушки превращаются в реку и т. п. [см.: СД, 5, 45]).

Обозначения природных субстанций, плывущих по реке

Названия по гидрониму получает лед, плывущий во время ледохода, ср. арх. *кокшър* ‘последний весенний лед, который идет по р. Кокшеньга’: «Лед с верху Кокшеньги кокшаром и называется» [СГРС, 5, 235]; влг. *леденьга* ‘лед на р. Сухона во время ледохода’² [КСГРС] <р. Леденьга, приток Сухоны>. Многократно зафиксированы и гидронимические обозначения пены или мусора, плывущие по реке весной после ледохода, ср. арх. *вымь* ‘пена с мусором, плывущая весной по реке’: «Вымь пошла, говорим весной: пена жёлтая идёт, на Выми ледоход был, до нас не дошёл, одна вымь», «Ледоход пройдёт, потом вымь пойдёт и двенадцать дней идёт, токо пена по воде идёт, а лёд уж растает» [СГРС, 2, 237] <р. Вымь, приток Вычегды>; арх. *вычегда* ‘пена, плывущая по Северной Двине после ледохода на ее притоке — р. Вычегда’: «Вычегда прибывает, пена на реке; вычегда — прибыль с Вычегды», «Вычегды нахлястывают на берег» [Там же, 275]; арх. *грязная пинегга* ‘последний лед, грязь, пена, плывущие по Северной Двине весной’: «Лед обмотается последний, грязный такой, речка серая станется — ну, говорят, грязна пинегга пошла», «Ой, грязна пинегга пошла! После Двины выносит пинегу, хлам-то этот грязной пинеггой зовут» [СГРС, 3, 148] <р. Пинегга, приток Северной Двины>; арх. *тинёвка* ‘грязь на р. Выя во время ледохода’ <р. Тинёва, приток Выи> [КСГРС].

Следует обратить внимание на то, что в некоторых случаях лед или мусор названы по имени притока, а не более крупной реки, по которой они плывут, например *грязная пинегга* движется по Двине, *леденьга* — по Сухоне. Добавим еще, что иногда процесс ледохода метафоризируется (ср. петрогр. *идти как ладожский лед* ‘все идет как по маслу’ [СРНГ, 16, 318]) или антропоморфизируется (ср. перм. *Кама-река вздохнула* ‘о первой подвижке льда’: «Надо в военкомат попадать, а как через реку-ту; в аккурат Кама вздохнула, нельзя стало по льду ездить» [СПГ, 1, 98]).

Обозначения рыбы

Обозначение рыбы по водоему, в котором она водится, — достаточно продуктивная модель семантической деривации для гидронимов. Гораздо реже ихтионимы бывают мотивированы другими топонимами, которые, однако, так или иначе

² Здесь возможна также аттракция *Леденьга* — *лед*.

обязательно связаны с гидрообъектами, ср., например, волж. *астраханка* 'рыба семейства сельдевых, астраханская селедка' [Мгеладзе, Колесников, 1965, 32] <г. Астрахань на берегу Волги>, мурм. *кандалуха* 'беломорская сельдь' [КСРНГ] <г. Кандалакша на берегу Белого моря> и др.

В качестве производящей основы выступают преимущественно названия больших промысловых рек, ср. арх. *двина́* 'рыба, выловленная в р. Северная Двина' [СРНГ, 7, 285], краснодар. *кубанец* 'рыба сазан' [СРНГ, 15, 376], арх. *печора́* 'семга, водящаяся в р. Печора' [СРНГ, 27, 9]. Структурно большинство ихтионимов или совпадают с потамонимом (ср. арх. *поной́* 'семга, водящаяся в р. Поной' [Подвысоцкий, 1885, 132]), или представляют собой адъективные словосочетания, ср. олон. *ладожский сиг* 'рыба сигалов' [СРНГ, 16, 237], ср.-урал. *чусовской лёнь* 'рыба таймень' [КСРНГ] <р. Чусовая>. Семантико-словообразовательные дериваты встречаются довольно редко: ленингр. *верхосвирка* 'рыба сиг' [СРНГ, 4, 169] <р. Свирь>.

Дериваты потамонимов, обозначающие разную рыбу, склонны выстраиваться в системы. Так, например, выделяется комплекс обозначений беломорской семги сообразно названиям рек, в которых она вылавливается. Рыба различается не только по месту поимки, но и по качеству: жирности, вкусу, способности хранить засол, цвет и пр. Худшими по качеству считаются такие сорта семги, как *поньгома* <р. Поньгома> и *кандалакша* <Кандалакшский залив Белого моря>. Сорта *поной́* <р. Поной> и *мезень* <р. Мезень> считаются сухими, «без жиру». Лучше всего для засола подойдет *семга-порог* <р. Порог>, *умба* <р. Умба>, *варзуга* <р. Варзуга> и *сёмга-кемь* <р. Кемь>. Хорошей по качеству (второй после *порога*) считается *двина́*. Неплохой семгой, пригодной для засола, оказывается *кола* <р. Кола> [Максимов, 1984]. Еще одну систему образуют названия беломорской сельди, ср. *сумская сельдь* (*залёдка*) 'сельдь, появляющаяся весной в Сумской губе после вскрытия льда, во второй половине мая' [Дуров, 2011, 398] и *сорокская сельдь* 'мелкий вид сельди, появляющейся в Сорокской губе с конца октября по январь месяц' [Там же].

Шутливое название пескаря *талицкий рыбник* (влг.) [КСГРС] отражает то обстоятельство, что в реке Талица Бабушкинского района Вологодской области не водится хорошая рыба и на пироги может идти один пескарь, который, возможно, пойман не в Талице, а в другой реке. Кроме того, судя по названию, речь здесь идет и вовсе не о рыбе, а о рыбном пироге, *рыбнике*. Сходная модель представлена в вологодском шутливом словосочетании *печорский засол* 'о несвежей рыбе': «Все настоящие рыбаки едят рыбу печорского засола, с тухлецей, с душком. Это в шутку так говорятся» [Там же].

Обозначения растений и животных

Фитонимы и зоонимы, мотивированные названиями рек, немногочисленны и напрямую связаны с местом произрастания (для растений) или обитания (для

животных) по течению той или иной реки. Фиксируются такие наименования растений, как влг. *андожина* ‘осока, болотистая трава по р. Андога’ [СГРС, 1, 17], ростов. *донская гвоздика* ‘растение ноготки, календула’ [БТДК, 104], ростов. *донской цветок* ‘пион’ [Там же, 138].

К названиям рек восходят обозначения некоторых животных, ср. сиб. *ангарка* ‘небольшая черно-пестрая утка’: «Небольшая така утка есть, ангарка, зимует на Ангаре» [СРГП, 1, 17], дон. *битюг*, *битюк* ‘крепкий ломовой конь: костистая, плотная и рослая лошадь под извоз’ <р. Битюг Воронежской области, издавна известная коноводством> [Мгеладзе, Колесников, 1965, 29], лит. *донец*, *дончак* ‘лошадь донской породы’: «Бунчук поровнял своего незавидного коня с чистокровным донцом сотника» (М. Шолохов, «Тихий Дон») [ССРЛЯ, 3, 981], дон. *дончук* ‘то же’: «Буланов на дончуке быстро догнал кабана» [Миртов, 1929, 80], арх. *печорка* ‘промысловая белка, которая водится в лесах по течению Печоры’ [СРНГ, 27, 9].

Обозначения ветров

Оттопонимические названия ветров засвидетельствованы в русских говорах в большом количестве, эта модель номинации очень продуктивна. Традиционно названия ветров отражают главную их характеристику — направление, которое может быть обозначено через топонимический объект, со стороны которого дует ветер. В качестве таких объектов могут выступать и реки.

Чаще всего получают названия холодные, несущие дождь ветра, активность которых особенно ощутима для местного населения и важна для судоходства и рыболовства. При этом главным номинативным признаком, естественно, остается направление ветра со стороны реки (или ее долины), обозначение которой и мотивирует имя ветра, ср. влг. *андогский ветер* ‘юго-западный ветер со стороны р. Андога’ [КСГРС], казах. (рус.) *арысский ветер* ‘сухой и пыльный порывистый ветер в долине р. Арысь’ [Прох, 1983], арх. *булиха* ‘юго-западный ветер’: «Оттуда повеет булиха: лахта <залив> называется Булиха» [СРГК, 1, 136], арх. *вадьинский ветер*, *вадьак* ‘ветер со стороны селений по р. Вадья’: «Ветер вадьяк очень злой, с Вадьи дует» [СГРС, 2, 7], влг. *вексарь* ‘в речи рыбаков оз. Кубенское: ветер со стороны р. Векса’: «Вексарь — с Вексы идет. Зимарь ешь, вексарь да ветер с Архангельска» [Там же, 47], арх. *верхорузник* ‘ветер с верховьев р. Руза’: «Верхорузник — ветер злой, ветер с северо-востока» [Там же, 72], влг. *вожганец*, *вожгарь* ‘ветер, дующий со стороны р. Вожега’: «Вожгарь не особо сильный, дождливый, с востока дует» [Там же, 143], арх. *ёгский ветер* ‘ветер, дующий с р. Ёга’: «Ёгский ветер влажный, к дождливой погоде дует» [СГРС, 3, 302], арх. *лодьмак* ‘северо-восточный ветер, дующий с р. Лодьма’: «Лодьмак подует с северо-востока, значит, холод» [КСГРС], арх. *с Пакшеньги* ‘южный ветер’: «Как с Пакшеньги дует, дак теплой ветер, с лета он» [Там же].

Среди «речных» наименований ветров выделяется комплекс ветрообозначений по рекам, впадающим в озеро Байкал: вост.-сиб. *ангарá* ‘северный ветер, дующий с Ангары на Байкал’ [СРГС, 1, 30; СГБС, 1, 342], сиб. *баргузін* ‘северо-восточный ветер на оз. Байкал, дующий с долины р. Баргузин’ [СРНГ, 2, III], сиб. *култук* ‘юго-западный ветер со стороны залива Култук’ [Прох, 1983], вост.-сиб. *сарма* ‘северо-западный ветер со стороны р. Сарма’ [Там же], вост.-сиб. *селенá* ‘восточный ветер на Байкале’ [Там же], вост.-сиб. *фрoлiхa* ‘восточный ветер со стороны р. Фролиха и одноименного озера на северо-востоке оз. Байкал’ [Там же].

Отдельно следует охарактеризовать широко распространенное на Русском Севере, Урале и Сибири имя ветра *шелoник* (*шелoн*, *шелoнка*, *шелoнник*, *шoлoник*, *шалoник* и др.), обозначающее ветер разного (чаще западного) направления и образованное от названия реки *Шелонь*, впадающей в озеро Ильмень с юго-запада [Фасмер, 4, 425]. Несмотря на явное гидронимическое происхождение, этот метеорологический термин практически утратил в сознании носителя языка связь с потамонимом *Шелонь*. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, широчайшее распространение лексемы по всей территории новгородской колонизации, вплоть до Сибири. Во-вторых, постепенное забвение внутренней формы слова, сопровождавшееся, очевидно, попытками прояснить утраченную мотивацию, привело к формальному и смысловому сближению *шелоника* с «шалными» словами (*шалáй*, *шальной*, *шалун*): они подверглись контаминации, в результате которой появились варианты перм. *шалунник* ‘юго-западный ветер’: «Юго-западный ветер, он уш шыпко шальной был, дёрско брал; шалунник шалит больше фсех, немиролюбимой был» [СРГНП, 2, 436] и карел. *шалóйник* [СРГК, 6, 856]. В-третьих, благодаря приписанной ветру способности «шалить» *шелоник* встраивается в модель «ветер ↔ человек» и персонифицируется, что проявляется не только на уровне контекстов, ср. «Шелоник — на море разбойник, шальной ветер, без дождя мочит» [Подвысоцкий, 1885, 192], но и закрепляется в антропонимии (ср. арх. *Шелоник* ‘прозвище жителя деревни Азаполье Мезенского района Архангельской области’: «Лихой мужик был, как ветер шелоник» [АКТЭ]) и в нарицательной лексике, ср. арх., карел. *шалoнник* (*шелoнник*) ‘человек с крутым характером’: «Шелонник — ветер очень быстрый, крутой, мужчину тоже так называют» [СРГК, 6, 856]. Подробнее о семантической модели «ветер ↔ человек», контаминации *шелоник* и производных *шал-* ‘шалить’, этимологии арх. *шалáй* ‘сильный продолжительный ветер’ см. в [Березович, 2007, 320–328].

Обозначения работы на отхожих промыслах

Рассматриваемая оттопонимическая модель актуальна прежде всего для названий крупных судоходных рек, таких как Ангара, Онега, Вага, Волга и др., куда уходили на заработки, ср. бурят., иркут. *ангáрщина* ‘работа на крупных рыболовецких промыслах’: «На ангарщину уходили многосемейные. Ангарщина у нас

была лет сто, пока старая власть держалась. Ангарщина только на пропитание давала» [СРГС, 1, 30], «Я всю жизнь на ангарщине. Зимой и летом» [СГБС, 1, 349–350], байк. *ангáрщина* ‘соби́р. рабочие на крупных промыслах, предприятиях’ [СРНГ, 1, 256], арх. *вага́нить* ‘направляясь в Вологду, идти обозом по Важской земле (по р. Вага)’: «Хотя извозом занимаются все, но в собственном смысле “ваганят”, т. е. ходят с обозом, немногие» [СРНГ, 4, 9], морд. *ходить по за́волгам* (уходить в за́волгу) ‘уходить на заработки’: «Отец по заволгам ходил. Земли у нас мало было, мужики по заволгам ходили, до зимы, бывало, дома нет. Маладе́ж вся тады в заволгу уходила» [СРГМ, 2, 68], без указ. м. *волга́рить* ‘бурлачить по Волге’ [СРНГ, 5, 37].

Обозначения водного транспорта

В этом разделе будут рассмотрены отгидронимические обозначения средств передвижения по воде³. Внутри данной группы следует выделить несколько различных по продуктивности моделей «речной» номинации водного транспорта.

Лексические данные позволяют выделить модель «название водоема → название судна, изготовленного на этом водоеме», ср. арх. *йжемка* ‘судно, построенное на реке Ижма’ [Мгеладзе, Колесников, 1965, 38], волж. *клязьменка* ‘разновидность барки, которая строилась на реке Клязьме’: «Ходит преимущественно по рекам Клязьме, Тезе, Оке, Волге» [СРНГ, 13, 329], арх. *куб́инка* ‘судно, построенное на р. Кубена’ [Мгеладзе, Колесников, 1965, 38], яросл. *моки́ан*, *моки́ана* ‘речное несамоходное деревянное судно, применявшееся в бассейне р. Волги и ее притоков’: «Название *мокианы* получили от реки Мокши, где они строились в XIX в. для перевозки хлеба, железа, смолы, глиняной посуды и др.» [Там же, 37], арх. *тезя́нка* ‘судно, построенное на р. Теза’ [Борисова и др., 2013, 190, 191], арх. *унжа́к*, *унженка* ‘судно особого типа, выработанное на р. Унжа’ [Мгеладзе, Колесников, 1965, 38].

Некоторые названия лодок связаны не с водоемом, на котором они построены, а с территорией бассейна реки, где (предположительно) находился локальный центр судостроения, ср. влг. *колóменка* ‘большая крытая лодка для перевозки хлеба, дегтя’ [СРНГ, 14, 169]: название лодки произошло от названия местности *Нижняя Коломна* на Москве-реке [Фасмер, 2, 294].

Другая модель может быть определена как «название водоема → название судна, используемого на этом водоеме», ср. вост.-сиб. *анга́рка* ‘небольшое речное судно: долбленка, барка или шитик’: «Ангарка, лодка ходкая у меня была» [СРГС, 1, 30], перм. *ви́шерка* ‘плоскодонная лодка, используемая на мелких реках

³ Подробнее о названиях водного транспорта в русском языке см. [Орехова, 2000]; об оттопонимических и этэтнонимических названиях лодок в говорах Архангельской области см. [Лопорт, 2016].

севера Пермского края, в том числе на Вишере⁴: «Вишерками зовут, они и сейчас есть, долгонькие и узенькие» [СРГСПК, 1, 244], арх. *двинской кáрбас* ‘гребное судно больших размеров с каютой на корме’ [СРНГ, 13, 80], арх. *печóрка* ‘плоскодонная лодка на р. Печора’ [Мгеладзе, Колесников, 1965, 37], волж. *шехóнская сомiнка*⁴ ‘речное судно на р. Шексна’ [КСРНГ].

Следует заметить, что выделение этих моделей достаточно условно, так как точно восстановить историю возникновения многих названий очень трудно: в большинстве случаев мы так и не узнаем, строилась лодка на определенной реке (в бассейне этой реки) или использовалась на конкретном водоеме, — тем не менее обозначение лодки мотивировано потамонимом. Однако даже это не всегда очевидно: так, например, яросл., новг., влг., волж. *тихвинка* ‘особенный род больших лодок, строящихся в Тихвине’ [СРНГ, 44, 142] может быть мотивировано названием города *Тихвин* [Борисова и др., 2013, 190–191], а может быть связано с Тихвинской речной системой, на которой использовалось судно [Орехова, 2000, 33] или напрямую с названием реки *Тихвинки*, ср. одну из дефиниций: ‘небольшое деревянное несамоходное грузовое судно, предназначенное для перевозок по реке; по названию р. Тихвинки’ [Мгеладзе, Колесников, 1965, 38].

Обозначения танцев

Названия рек довольно часто выступают как производящие основы для обозначений танцев: в большинстве случаев это местная разновидность кадрили — танец с переменной партнеров (четное количество пар — четыре, шесть, восемь), исключение составляет, пожалуй, только *донская полька*. Имеются случаи, когда отгидронимическое наименование носит песня, сопровождающая танец (*ветлугáй*), песенный мотив (*ёнतालский*) и особый способ игры на гармонии (*ёнतालская*). «Речные» названия плясок, как правило, обозначают какой-то определенный вид кадрили, характерный для жителей конкретной местности, ограниченной бассейном реки, название которой и мотивирует обозначение танца.

Ниже приводится распределение материала по производящим гидронимам.

Наиболее активно в процессе деривации участвует потамоним *Вага*. Река с этим названием берет начало в Вологодской области и впадает в Северную Двину уже в Архангельской области. Соответственно, разновидность кадрили *важеская*, *верхова́жская* и *вага́нская* фиксируется в Верховажском районе Вологодской области и в Вельском, Устьянском районах Архангельской области: «Важеская была игра, первая кадрили, парочка, лиходейска» [СГРС, 2, 8], «Ваганскую играли восемь человек, на Ваге передрали» [Там же, 6]. По лингвогеографическим пометам

⁴ *Сомiнка* (без указ. м.) ‘вид судна на Шексне, на котором плавают, большей частью отталкиваясь шестью’ [Даль, 4, 269]. Вероятно, от названия реки *Сомина*, *Соминка*; неоднократно встречается на Севере России [Фасмер, 3, 716].

при этих словах видно, что с верховьев Ваги кадрили «передвигается» вниз по притокам в Вельский район <р. Вель>, где остается *верховажской*, и в Устьянский район <р. Устья>, где называется *ваганьской* и осознается как «чужая», с Ваги.

В Верхнетоемском районе Архангельской области появляется *верхнетоемка* <р. Верхняя Тойма>, которая, кажется, «синонимична» *верховажской* кадрили, ср.: «Всё больше русского плясали да верхнетоемку, её восьмерыми плясали» [СГРС, 2, 67].

В Вельском районе Архангельской области фиксируется *пежемская игра* ‘местная разновидность кадрили’: «Старушка пускала, играли ходили, была игра пежемска да верховажска» [СГРС, 4, 303], мотивированная потамонимом *Пежма* (приток Ваги). Контекст демонстрирует, что *пежемская* кадрили сосуществует на этой территории с *верховажской* и, видимо, несколько отличается от нее.

В верховьях Сухоны пляшут *рабанскую* (*грабанскую*) пляску, связанную с названием р. *Рабанга*, протекающей ниже г. Сокол и впадающей в Сухону, ср.: «А как плясали рабанскую!» [СВГ, 9, 3], «В Кузьму посиденьки были, восьмёрку плясали, грабанская ли рабанская была, парень девку возьмёт да попляшем, девчонки берут парней» [СГРС, 3, 118–119].

В Вохомском районе Костромской области находим *ёнтальский* мотив исполнения песен и вид танца *ёнталёнок* (*ёнтальский*, *ёнтальское*), связанные, очевидно, с речкой Ёнталой (приток Юга), протекающей на территории Кичменгско-Городецкого района Вологодской области, который граничит с Вохомским, ср.: «Ёнтальский — голоса уж не такие, не наш мотив поют, как-то растягают, а у нас на отрез», «Ёнтальский — они пляшут не по-нашему. У нас перебегаются, а у их один круг всё идут», «Пойдёмте ёнталёнка, девки, плясать. Ёнталёнком звалось. Выходили вдвоём, выходили и четверо — две девки и две, три пары ли, четыре. Две девки пляшут и поют», «Четверо плясали, ёнтальское четверо пляшут. На Ёнтале в Капсюре я была, ездили в Кич-Городок из Никольска. У них пляска была, у молодёжи, а мы приехали: пойдёмте, девки, посмотрим, как плясать ёнтальское» [ЛКТЭ].

В Лодейнопольском районе Ленинградской области танцевали *оятскую*, названную так по реке *Оять*, притоку Свири: «Раньше таких танцев не знали; все оятску плясали, кадсель. Плясали русскую, оятскую, был хороший у нас музыкант» [СРГК, 4, 362].

Двигаясь от Русского Севера к центральной России, упомянем о Поветлужье, прибрежной территории р. Ветлуга, где засвидетельствованы название пляски *ветлуг*, *ветлугай*, *ветлугая*, танец *ветлужский* и песня *ветлугай*: «Ветлуга плясали, по четыре человека пляшут, два напротив двух. Одни потопали под гармошку, потом другие», «Ветлугая заиграли, ветлугая надо петь. Задушевная товарка, веселее песни пой», «Ветлугую-то танцевали, только пыль стоит столбом. Попарно танцевали, пели. Друг против друга становились и дробили», «Под гармошку, балалайку, гитару танцевали ветлужский» [ЛКТЭ].

Модель обозначения танцев по названиям рек кажется нетривиальной, поэтому мы позволим себе наметить некоторые общие закономерности ее функционирования.

Следует отметить особенности географического распространения модели. Абсолютное большинство названий рек, развивающих «плясовое» значение, фиксируются на Русском Севере или в Поволжье (в Костромской области). Исключение составляет *донская полька*, исполнявшаяся на Дону: «У нас танцуют польку, а донской ее зовут потому, что на Дону и танцуют» [БТДК, 138]. Кажется, это связано не только с «северной» направленностью русской диалектной лексикографии (преобладанием словарей по соответствующим территориям), но и с «многоречьем» Русского Севера, а также с особой ролью рек в освоении пространства.

«Речные» танцы часто фиксируются на смежных территориях вологодско-архангельского (*важская* кадрили) и вологодско-костромского пограничья (*ёнтальский* ее вариант). При этом границы административных областей накладываются на естественные границы речных бассейнов. Такая пограничность провоцирует ситуацию, при которой разные группы жителей часто сравнивают себя с соседями и выявляют различия, что главным образом проявляется в использовании коллективных прозвищ, выполняющих характеризующую и оценочную функцию. Похожая миссия и у названий видов танца. Неслучайно некоторые названия танцев мотивированы не собственно потамонимами, а отгидронимическими прозвищами жителей, ср. костр. *ветлугай* ‘вид пляски’ <костр. *ветлугай* ‘насмешливое прозвище жителей Ветлужского края’ [СРНГ, 4, 195], арх. *ваганьская* ‘вид кадрили’ < влг. *ваган* ‘житель Поважья’ [СГРС, 2, 5]. При этом «адепты» культурной традиции четко понимают, где «своя» кадрили, а где «чужая», из соседнего «речного» района и, как следствие, из другого социума, ср. контексты: «Ёнтальский — они пляшут не по-нашему. У нас перебегаются, а у их один круг всё идут», «Ёнтальский — голоса уж не такие, не наш мотив поют, как-то растягают, а у нас на отрез. У нас парень, а у их все разом, не поймёшь, кто чего поёт. И пляшут они, и парни стоят в кругу, и напеваются все разом. Там особая музыка — заиграли ёнтальского, это наигрыш и частушки; встают в большой круг, навстречу друг другу выходят и переплясываются; только музыка другая, а пляска-то как русского пляшут» [ЛКТЭ], «Ваганьскую играли восемь человек, на Ваге передрали» [СГРС, 2, 5].

Важным кажется и тот факт, что номинируется практически только кадрили (пляска со сменой партнеров). В этом видится закономерность: именно этот танец чаще всего исполняется на съезжих вечеринках, где встречаются люди из разных социальных групп, и имеет явную матримониальную и социальную направленность.

Примечательно также, что в некоторых контекстах выстраиваются ряды вариантов кадрили, где местные разновидности сравниваются друг с другом или

противопоставляются широко известной *русской* кадрили, ср.: «Старушка пускала, играли ходили, была игра пежемска да верховажска» [СГРС, 4, 303], «Всё больше русского плясали да верхнетоемку, её восьмерыми плясали» [СГРС, 2, 67].

Таким образом, потамонимическая модель названий разновидностей кадрили дополняет (или повторяет) логику складывания коллективов на пограничных территориях, а умение танцевать свой вариант оказывается своеобразным знаком принадлежности к определенному социуму.

Обозначения предметов народного быта

Мотивированы потамонимами некоторые названия предметов народного быта. Наиболее тесную связь с гидронимами демонстрируют обозначения товаров, производимых «на реке» или привозимых водным путем, ср. самар. *ветлуга* ‘большая связка деревянных чашек (от десятка и более), привозимая на барках для продажи’ [СРНГ, 4, 195] <р. Ветлуга>; арх. *двиня́нка* ‘соль, добытая в р. Северная Двина’: «Двинянка была соль, а из Двины, така красновата» [АОС, 10, 309]; арх. *двиня́ночка* ‘прялка, изготовленная на берегах р. Северная Двина’: «Девяти годов поставили к двиняночке» [Там же]; дон. *донской арбуз* ‘сорт арбузов: ажиновский’: «Донски арбузы к нам завезли» [БТДК, 137].

Некоторых комментариев требует слово *двиня́нка* (*двинёнка*, *двиня́ночка*, *двиня́шка*), широко распространенное в Архангельской области в значении ‘хлеб круглой формы из дрожжевого теста, испеченный из разных видов муки, или хлеб двуслойный на плоской круглой лепешке из ржаной муки с верхней частью из ячменной или другой муки’: «С квашни житники да двинянки пекли», «Двинянки-те — сочень из ржаной муки, само тесто из ячменной, твореной», «Двинянки — мука житная, ржаная, горохова, всякой муки накладут на поде, в русской печке пекут» [АОС, 10, 309]. С точки зрения мотивации лексему можно интерпретировать двояко. С одной стороны, хорошо ощущается связь названия выпечки с обозначением жительницы населенного пункта, расположенного на берегу Северной Двины, — *двиня́нка* [Там же]: в этом случае *двиня́нка* — это хлеб «как у двинян» (жителей Подвинья) или хлеб, выпекаемый двинянами, ср. контекст: «Наскут сочни, сделают двинянку: такие живут двиняна в каком-то месте, так называют [СГРС, 3, 179]. «Речную» интерпретацию подтверждает и ареал *двинянки*, связанный с Северной Двиной. Вызывает удивление, однако, тот факт, что ни в одном из контекстов носители языковой традиции не соотносят *двинянку* с рекой Двиной.

С другой стороны, нельзя исключать связь обозначения выпечки с числительным *два*, что поддерживают некоторые контексты, поясняющие, что *двиня́нка* — это хлеб из разных (двух и более) сортов муки или двуслойной муки, ср. еще влг. *двiны* ‘земельный надел из двух коротких полос’ [СГРС, 3, 179]. Отметим, что относительно происхождения самого гидронима *Двина* есть «исконная» версия,

согласно которой это слово восходит «либо прямо к апеллятиву *двина* с общим значением ‘двойной’, либо — что также не исключено — к числительному *два*, оформленному суффиксом *-ин* на топонимическом уровне» [Вольский, 2015, 200 (см. в этой заметке и литературу вопроса)]. Возможно, слово *двинянка* представляет собой результат контаминации отгидронимического производного и числительного *два* (*двина*).

* * *

Подводя итоги исследования семантико-словообразовательных дериватов русских потамонимов, необходимо отметить следующее.

Значительная часть потамонимических производных имеет отношение к северо-западной части России. Кажется, это можно объяснить тем, что одной из характерных черт этой территории является наличие множества водных путей, по которым шла славянская колонизация Русского Севера. Обилие дериватов гидронимов на данной территории вызвано, как говорилось выше, и субъективным фактором: преобладанием в российской диалектной лексикографии словарей по северным территориям.

В результате идеографической классификации материала было выделено девять тематических сфер, демонстрирующих активность «речной» модели: «жидкие субстанции»; «природные субстанции, плывущие по реке»; «рыба»; «растения и животные»; «ветра»; «работа на отхожих промыслах»; «водный транспорт»; «танцы»; «предметы народного быта». Очевидно, что в зону действия модели вовлекаются в основном наименования объектов, пространственно связанных с рекой. Этим объясняется преобладание метонимического механизма переносов в изучаемом материале. Удивляет в данном контексте практически полное отсутствие отпотамонимических названий рыболовецких снастей, ср. только арх. *усть-двинский невод* ‘невод для зимнего лова рыбы, изготовленный в населенных пунктах в устье р. Северная Двина’ [КСГРС].

Незначительное количество метафорических обозначений, связанных с образом реки, демонстрирует только один признак, участвующий в семантическом переносе, — признак водонаполняемости, ср. *ока* ‘всякая вода’, ленингр. *пинега* ‘тот, который часто плачет; плакса’, арх. *уфтюга* ‘слабо заваренный чай’, заурал. *не одна уж Исеть-река слез протекла* ‘много слез пролито’ и др.

Названия, являющиеся гидронимическими дериватами, могут организовываться в системы, что особенно наглядно проявляется среди обозначений рыбы (*сумская сельдь* и *сорокская сельдь*), ветров (ветры Байкала: *ангара*, *култук*, *сарма*, *фролиха*) и видов кадрили (*нежемская*, *верховажская*).

Среди дериватов потамонимов преобладают семантико-словообразовательные суффиксальные образования (*вексарь*, *вишерка*, *мокшан*, *тихвинка*, *устьяк*) и адъективные словосочетания (*андогский ветер*, *сухонский лен*, *шехонская соминка*).

В ходе анализа дериватов потамонимов были зафиксированы некоторые семантические модели, которые можно считать эксклюзивными, т. е. свойственными только названиям рек (а не другим топонимам). К ним следует отнести «речные» обозначения отхожих промыслов и танцев. Обозначения работы на отхожих промыслах демонстрируют номинативную активизацию представлений о такой особенности гидрообъекта, как передвижение человека по реке. Обозначения видов кадрили, коррелируя с прозвищами жителей пограничных территорий, поддерживают социально-этническую стратификацию геопространства междуречий.

- АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 1980—. Вып. 1—.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- Борисова Е. О., Кривошапова Ю. А., Кучко В. С., Синица Н. А.* Из материалов к словарю русских оттопонимических дериватов // *Вопр. ономастики.* 2013. № 2 (15). С. 174–199.
- БСРС — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- БТДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т, ф-т филологии и журналистики ; каф. общ. и сравнител. языкознания. М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003.
- Вольский К. П., Двина* — название русское // *Вопр. ономастики.* 2015. № 1 (18). С. 197–202.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. : TERRA, 1880–1882 (1994).
- Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск : ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Лопорт Е. П.* Оттопонимические и этэтнонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области // *Вопр. ономастики.* 2016. № 1 (13). С. 179–190.
- Максимов С. В.* Год на Севере. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0060.shtml.
- Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П.* Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1965.
- Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1979.
- Миртов А. В.* Донской словарь : материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д : [б. и.], 1929.

- Орехова Т. И.* Формирование тематической группы названий водных средств передвижения в истории русского языка XVIII–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2000.
- Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1885.
- Прох Л. З.* Словарь ветров. Л. : Гидрометеоиздат, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <http://litres.ru/chitat/ru/PI/proh-l-z/slovarj-vetrov>.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Волог. гос. пед. ин-т ; Русь, 1983–2007.
- СГБС — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб. ; Иркутск : Наука, 2007–. Т. 1–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1 — .
- СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
- СПГ — Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
- СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия) : в 8 т. / под ред. Р. В. Семенковой. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1978–2006.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003–2005.
- СРГП — Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 вып. / сост. М. Л. Арутюнян и др. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986–1989.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2011–. Т. 1 —.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- Фасмер 1–4 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- ФДЛ — *Тимофеев В. П.* Фразеология диалектной личности : словарь. Шадринск : Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2003.
- ФСГНП — *Ставшина Н. А.* Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. СПб. : Наука, 2008.

Рукопись поступила в редакцию 15.02.2017

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские говоры	ленингр.	русские говоры на территории Ленинградской области
байк.	русские говоры бассейна оз. Байкал	морд.	русские говоры на территории Республики Мордовия
бурят.	русские говоры на территории Республики Бурятия	мурм.	мурманские говоры
влг.	вологодские говоры	новг.	новгородские говоры
волж.	русские говоры бассейна р. Волга	олон.	олонецкие говоры
вост.-сиб.	восточносибирские говоры	перм.	пермские говоры
дон.	донские говоры	петрогр.	русские говоры Петрограда (Санкт-Петербурга)
заурал.	русские говоры на территории Зауралья	пск.	псковские говоры
иркут.	иркутские говоры	ростов.	ростовские (донские) говоры
казах. (рус.)	русские говоры на территории Республики Казахстан	ряз.	рязанские говоры
карел.	русские говоры на территории Республики Карелия	самар.	самарские говоры
костр.	костромские говоры	сиб.	сибирские говоры
краснодар.	краснодарские говоры	ср.-урал.	среднеуральские говоры
		том.	томские говоры
		яроsl.	ярославские говоры
Прочие			
без указ. м.	без указания места записи	фольк.	фольклорное

* * *

Кривошчапова Юлия Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
Специализированный учебно-научный центр,
Уральский федеральный университет
(СУНЦ УрФУ)
620137, Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30
E-mail: insekt@yandex.ru

Krivoshchapova, Julia Aleksandrovna

PhD, Associate Professor
Department of Philology
Advanced Educational Scientific Center,
Ural Federal University
30, Danila Zverev str.,
620137, Ekaterinburg, Russia
E-mail: insekt@yandex.ru

Julia A. Krivoshchapova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

**RUSSIAN RIVER NAMES: THE POTENTIAL OF SEMANTIC DEVELOPMENT
(WITH REFERENCE TO DIALECTAL VOCABULARY)**

The article considers appellative derivatives from river names used in Russian dialects. Such common nouns are attested in different regions of Russia, mainly in the area of the Russian North. The author identifies nine recipient thematic groups displaying the depotonymic

word-formational pattern: fish; plants and animals; winds; seasonal works; river transport; dances; household utensils. The author shows that the nouns derived from river names can constitute lexical systems, exemplified by the names of fish species (*sumskaya seld* and *sorokskaya seld*), winds (in the Lake Baikal area: *angara*, *katluk*, *sarma*, *frolikha*), various kinds of quadrille (*pizhemskaia*, *verkhovazhskaya quadrille*). The author also identifies the structural types of derivatives, noting that the most numerous are suffixed derivatives (*veksar*, *visherka*, *mokshan*, *tikhvinka*, *ustyak*) and adjectival collocations (*andogsky veter*, *sukhonsky len*, *shekhonskaya sominka*). The paper describes some exclusive semantic derivational patterns proper only to river names (and not to other kinds of toponyms), such are derivatives from river names designating seasonal works (*angارشchina*, *vaganit'*) and dances (*verkhnetayomka*, *pezhemskaia igra*).

К е y o r d s: Russian dialects, place names, river names, hydronyms, toponymic derivatives, appellativization of a proper name, ideographic analysis, motivational analysis, semantic pattern.

- Afanasyeva-Medvedeva, G. V. (Ed.). (2007–). *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baikalskoi Sibiri* [The Dictionary of the Dialects of the Lake Baikal Area Old Timers] (Vols. 1–). Saint Petersburg; Irkutsk: Nauka.
- Arutiunian, M. L. et al. (Eds.). (1986–1989). *Slovar' russkikh govorov Pribaikal'ia* [The Dictionary of the Russian Dialects of the Lake Baikal Region] (Vols. 1–4). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta.
- Berezovich, E. L. (2007). *Jazyk i traditsionnaia kul'tura* [Language and Traditional Culture]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary in the Context of Slavic Languages: A Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [The Great Explanatory Dictionary of Don Cossacks] (2003). Moscow: Russkie slovari; Astrel'; AST.
- Borisova, A. N. (Ed.). (2000–2002). *Slovar' permskikh govorov* [The Dictionary of Perm Region Dialects] (Vols. 1–2). Perm: Knizhnyi mir.
- Borisova, E. O., Krivoshchapova, Ju. A., Kuchko, V. S., & Sinita, N. A. (2013). Iz materialov k slovari russkikh otponimicheskikh derivatov [From Materials for a Dictionary of Russian Place Name Derivatives]. *Voprosy onomastiki*, 15, 174–199.
- Dal, V. I. (1994). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd ed. (Vols. 1–4). Moscow: TERRA.
- Durov, I. M. (2011). *Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Pomors' Living Language in its Everyday Use]. Petrozavodsk: IIA LI KNTs RAN.
- Fedorov, A. I. (Ed.). (1999–2006). *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [The Dictionary of the Russian Dialects of Siberia] (Vols. 1–5). Novosibirsk: Nauka.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of the Russian Folk Dialects] (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Gerd, A. S. (Ed.). (1994–2005). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [The Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Regions] (Vols. 1–6). Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Getsova, O. G. (Ed.). (1980–). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; Nauka.
- Ivashko, L. A. (Ed.). (2003–2005). *Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory* [A Dictionary of the Russian Dialects of the Lower Pechora] (Vols. 1–2). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

- Loport, E. P. (2016). *Otponimicheskie i otenonimicheskie naimenovaniia lodok v russkikh govorakh Arkhangel'skoi oblasti* [Names of Boats Derived from Toponyms and Ethnonyms in the Russian Dialects of the Arkhangelsk Region]. *Voprosy onomastiki*, 13(1), 179–190.
- Maksimov, S. V. (1984). *God na Severe* [A Year in the North]. Arkhangel'sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [The Dictionary of the Dialects of the Russian North] (Vols. 1–). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Merkuryev, I. S. (1979). *Zhivaia rech' kol'skikh pomorov* [The Living Speech of the Kola Peninsula Pomors]. Murmansk: Murm. kn. izd-vo.
- Mgeladze, D. S., & Kolesnikov, N. P. (1965). *Slova toponimicheskogo proiskhozhdeniia (toponomy) v russkom iazyke* [Detonymic Derivatives in the Russian Language]. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta.
- Mirtov, A. V. (1929). *Donskoi slovar': materialy k izucheniiu leksiki donskikh kazakov* [The Don Dictionary: Materials for the Study of the Don Cossacks' Vocabulary]. Rostov-on-Don: [s. n.].
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008a). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2008b). *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [The Great Dictionary of Russian Comparatives]. Moscow: OLMA Media Grupp.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (Eds.). (2001). *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [A Dictionary of Pskov Region Proverbs and Sayings]. Saint Petersburg: Norint.
- Orehova, T. I. (2000). *Formirovanie tematicheskoi gruppy nazvanii vodnykh sredstv peredvizheniia v istorii russkogo iazyka XVIII–XX vv.* [The Formation of the Thematic Group of Water Transport Names in the History of the Russian Language: 18th–20th centuries] (Doctoral dissertation). Altai State University, Barnaul.
- Panikarovskaia, T. G. (Ed.). (1983–2007). *Slovar' vologodskikh govorov* [A Dictionary of Vologda Region Dialects] (Vols. 1–12). Vologda: Vologod. gos. ped. in-t; Rus'.
- Podvysotsky, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of the Arkhangelsk Regional Dialect in its Everyday and Ethnographic Use]. Saint Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
- Prokh, L. Z. (1983). *Slovar' vetrov* [The Dictionary of Winds]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Rusinova, I. I. (Ed.). (2011–). *Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia* [The Dictionary of the Russian Dialects of the North of Perm Region] (Vols. 1–). Perm: Izd-vo Perm. un-ta.
- Semenkova, R. V. (Ed.). (1978–2006). *Slovar' russkikh govorov na territorii Mordovskoi ASSR (Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviia)* [The Dictionary of the Russian Dialects Used in the Territory of Mordovia] (Vols. 1–8). Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta.
- Shakhmatov, A. A. (Ed.). (1948–1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [The Dictionary of the Modern Russian Language] (Vols. 1–17). Moscow; Leningrad: Nauka.
- Stavshina, N. A. (2008). *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory* [The Phraseological Dictionary of the Lower Pechora Russian Dialects] (Vols. 1–2). Saint Petersburg: Nauka, 2008.
- Timofeev, V. P. (2003). *Frazeologiiia dialektnoi lichnosti: slovar'* [Idioms in the Speech of a Dialect Speaker: A Dictionary]. Shadrinsk: Izd-vo Shadrin. ped. in-ta.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995–2012). *Slavianskie drevnosti: etnolingvistichekii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vols. 1–5). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Volsky, K. P. (2015). *Dvina — nazvanie russkoe* [Dvina is a Russian Name]. *Voprosy onomastiki*, 1 (18), 197–202.